

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-259-284
УДК 821.161.1

Андрей Белый и Е.Ф. Книпович

© 2019, Б.Н. Романов

Аннотация: В статье, основанной как на известных источниках, так и на неопубликованных материалах, прослеживаются отношения Андрея Белого и Е.Ф. Книпович, эволюция ее взглядов на символизм, а также впервые публикуются письма А.А. Тургеневой, В.В. Егорьева к А. Белому и А. Белого, А.Д. Бугаевой к Е.Ф. Книпович, сохранившиеся в ее архиве.

Ключевые слова: Андрей Белый, Е.Ф. Книпович, М.А. Бекетова, А.А. Блок, О.Д. Форш, Л.Б. Каменев, символизм, Ассоциация по изучению творчества А. Блока

Информация об авторе: Борис Николаевич Романов, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: bnrroma@yandex.ru

Цитирование: Романов Б.Н. Андрей Белый и Е.Ф. Книпович // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 259–284. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-259-284

Советский критик Евгения Федоровна Книпович (1898–1988) была близка в 1918–1921 гг. к А.А. Блоку и его семье, в 1923–1929 гг. руководила Ассоциацией (с 1927 г. Комиссия) по изучению творчества Александра Блока в составе ГАХН (Государственной академии художественных наук). Была знакома и с Андреем Белым. В записной книжке Блока помечено: «1920. 6 мая. 8 час. вечера — А. Белый, Е. Книпович»¹. Вряд ли эта встреча стала памятной для Е.Ф.К. (так Блок чаще всего именует Книпович в «Записных книжках»), тем более для Андрея Белого. Отношения с Белым, как и с некоторыми другими из блоковского окружения, по признанию Е.Ф.К., «стали многосторонними и личными уже после смерти Блока»². В эпистолярии Андрея Белого следов этих от-

¹ Блок А. Записные книжки: 1901–1920. М., 1965. С. 492.

² Книпович Е. Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 27.

ношений почти нет, да и в воспоминаниях Е.Ф.К. о них сказано мельком. Тем, на первый взгляд, удивительнее, что в письме Иванову-Разумнику от 17 декабря 1923 г. Белый называет ее имя среди людей, действительно ему близких: «...своими ощущаю К.Н. Васильеву³, Нилендера⁴, С.М. Соловьеву⁵, Столярова⁶, пожалуй Е.Ф. Книпович, которая часто бывает у Нилендера»⁷. Упоминание кажется случайным. И всё же это пусть кратковременное, но искреннее «ощущение» той поры, когда Андрей Белый, измученный пережитым за два берлинских года, попал в московское бездомье и чутко воспринимал всякую доброжелательность⁸. Тогда, собственно, и началось их знакомство. Не случайно, что и сближение Белого с П.Н. Зайцевым⁹, отношения с которым продолжались до конца жизни, началось тогда же¹⁰.

24 августа 1921 г., обращаясь к Белому, близкий знакомый Е.Ф.К. напоминает ему о той, «которую Вы знаете и считаете артисткой» (см. ниже письмо В.В. Егорьева). Действительно, тогда Белый только-только узнал ее фамилию. Сразу после смерти Блока, 9 августа, в записях «К материалам о Блоке» он пометил: «Очень трогательно себя вел Алянский¹¹ и барышня, которая последние года всегда с ними (не знаю ее фамилии)»¹². Чуть позже (20 августа) Белый со слов матери Блока записывает, что тот, «показывая какую-то бумажку Книпович, сказал ей “Видите, готовлюсь

³ Васильева Клавдия Николаевна (урожд. Алексеева, во втором браке Бугаева; 1886–1970) — спутница (с 1923), затем жена (официально с 1931) Белого, автор воспоминаний о нем.

⁴ Нилендер Владимир Оттонович (1883–1965) — филолог-классик, переводчик, поэт; давний друг Белого, его университетский сокурник. С ним Е.Ф.К., очевидно, встречалась и позднее, поскольку Нилендер, работавший в Библиотеке им. В.И. Ленина (1923–1931) и в ИМЛИ (1936–1941), ряд лет был ее сослуживцем.

⁵ Соловьев Сергей Михайлович (1885–1942) — поэт, прозаик, переводчик, религиозный публицист; близкий друг Белого с детских лет.

⁶ Столяров Михаил Павлович (1888–1937) — философ, литератор; член совета Антропософского общества.

⁷ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 270.

⁸ По свидетельству П.Н. Зайцева, первые недели после приезда «Белый находился в состоянии подъема. Он был восхищен общим, не входя в подробности» (Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак; вступ. ст. и примеч. Дж. Мальмстада, М.Л. Спивак. М., 2008. С. 48).

⁹ Зайцев Петр Никанорович (1889–1970) — поэт, издательский работник, близкий друг Белого.

¹⁰ Зайцев П.Н. Воспоминания. С. 45–46.

¹¹ Алянский Самуил Миронович (1891–1974) — издатель и редактор, владелец и руководитель издательства «Алконост» (1918–1923). См.: Андрей Белый и С.М. Алянский: переписка / Предисл. и публ. Дж. Мальмстада // Лица: Биографический альманах. 9. СПб., 2002. С. 67–115.

¹² См.: *Белый А.* Дневниковые записи / Предисл. и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 797.

к смерти»¹³. 1 сентября Е.Ф.К. участвует вместе с близкими поэта и Белым, перечислившим присутствовавших в дневнике¹⁴, в заседании Комитета по увековечению памяти Александра Блока¹⁵.

В своих воспоминаниях, предназначенных для блоковского тома «Литературного наследства»¹⁶, Е.Ф.К. лишь кратко сообщает об отношении Блока к Белому: налицо осмотрительность советской критикессы, приученной редактировать прошедшее.

«Разговоры шли и о прошлом, и о сегодняшнем дне, о литературе и о людях, о друзьях юности — Андрее Белом и Сергее Соловьеве [...] И несмотря на всю доброжелательность рассказов, вывод Блока о друзьях юности был однозначен: “Мы с мамой — искони здоровые; они — искони больные”». Так повествует Е.Ф.К. Но признается: «Блок научил меня любить творчество Андрея Белого, особенно его прозу. Не только “Петербург”, но и “Серебряного голубя”, которого я раньше не знала»¹⁷.

Из этого же ряда упоминание о том, что К.И. Чуковский¹⁸ уговаривал ее «не общаться с Андреем Белым и не ходить в Вольфилу». Высказывание Чуковского кажется достоверным: в Вольфиле он почти не появлялся¹⁹, с Белым близок не был. Но вот высказывание Чуковского из письма к А.А. Кублицкой-Пиоттух (24 января 1922): «...кроме Андрея Белого, нет сейчас на земле человека, который мог бы дать характеристику Александра Блока»²⁰. Е.Ф.К. хорошо помнила, что об участниках Вольфины официально говорилось так: «большинство стояло на платформе реакционного идеализма и мистицизма»²¹. А она, ступив на критическую стезю, до конца долгой жизни воевала именно с «идеализмом и мистицизмом».

Во второй части воспоминаний, написанной позднее²², но включившей давние дневниковые записи, она становится раскованней и добавляет, что Блок «говорил об Андрее Белом и об их близости: “Он другой — в жизни другой, *здесь* — я с ним не могу...” — “А *там* по

¹³ Там же. С. 802.

¹⁴ Там же. С. 812.

¹⁵ Там же. С. 822 (примеч.).

¹⁶ Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 1980. С. 16–43.

¹⁷ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 20–21.

¹⁸ О знакомстве с ним Е.Ф.К. см: Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 53–54.

¹⁹ Там же. С. 54. Можно вспомнить позднюю (1960-е) реплику Чуковского: «...я дожил до таких лет, потому что я никогда не ходил на собрания. Всегда считал, что главное — написанная строка» (Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956–1980. М., 1990. С. 313).

²⁰ Чуковский К. Собр соч.: В 15 т. Т. 14: Письма (1903–1925). М., 2008. С. 495. В письме М.А. Волошину и М.С. Володиной в Коктебель (21 июня 1924) Чуковский писал: «Рад за своих детей, что они с Вами. Это великое счастье — в 20 лет попасть в общество Андрея Белого...» (Там же. С. 584).

²¹ Большая советская энциклопедия. Т. 13. М., 1929. Стлб. 48.

²² Впервые: Книпович Е. Мои встречи с Блоком // Октябрь. 1986. № 8. С. 191–202.

пути?» — спросила я. «Даже не по пути, а один путь»²³. Это из времени, когда она соглашалась, что кроме «здесь» может существовать «там».

Тут же Е.Ф.К. рассказывает, как они с Н.Н. Федоровичем²⁴, сослуживцем по ТЕО, «импровизировали мистерию о гибели культуры, причем он, не зная второй симфонии Андрея Белого, сам додумался до “грядущего негра”»²⁵. В комментарии она добавляет, что импровизированная мистерия была пародийной²⁶, видимо, стараясь подчеркнуть, что «мистерию» (в отличие от символистов) и тогда могла воспринимать только иронически; к тому же она путает вторую, «драматическую» симфонию с первой, называя ее «геронической».

Перезжая в январе 1922 г. в Москву, Е.Ф.К. принимает поручения матери Белого, жившей в ту зиму в Петрограде, выполняет их, а после возвращения А.Д. Бугаевой в Москву встречается с ней²⁷. Вероятно, тому, что Белый называет Е.Ф.К. среди «близких», способствовало и ее внимательное отношение к его матери.

Не случайно имя Белого возникает в переписке Е.Ф.К. с М.А. Бекетовой²⁸, которая уже во втором письме (23 сентября 1922 г.) интересуется известиями о нем, не скрывая интереса к подробностям: «Насчет Андрея Белого мы кое-что слышали: про Асин m'ezalliance²⁹. Пишите, пожалуйста, еще и побольше». Вскоре, 15 октября 1922 г., спрашивает: «А читали Вы статьи Троцкого о Белом и Блоке³⁰? [...] Что скажете? В ругани об

²³ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 72.

²⁴ О Николае Николаевиче Федоровиче см.: Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 19, 80.

²⁵ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 80.

²⁶ Там же. С. 62–63.

²⁷ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 28. Здесь она отмечает в ее облике «профессорски-светское». Ходасевич вспоминал, что застал мать Белого «уже пожилою, несколько полною женщиной со следами несомненной красоты и повадками записной кокетки» (Ходасевич В. Собр. соч. В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997. С. 43).

²⁸ Бекетова Мария Андреевна (1862–1938) — тетка А.А. Блока и его биограф, переводчица и автор книг для детей; в архиве Е.Ф.К. (частное собрание; далее все материалы из него цитируются без указания источника) сохранилось 38 писем Бекетовой (1922–1926).

²⁹ Тургенева Анна (Ася) Алексеевна (1890–1960) — художница; первая жена А. Белого. Белый расстался с ней в августе 1916 г., уехав из Дорнаха в Москву, а в конце 1921 г. в Берлине узнал, что она стала спутницей поэта-имажиниста А.Б. Кусикова. Слухи об этом быстро распространились среди знакомых Белого. К. Локс вспоминал: «В 21-м году (более вероятно, что в начале 1922. — Б.Р.) я встретил Нилендера и спросил его о Белом. — Он в Берлине, — ответил Нилендер, — с ним такое несчастье, — здесь Нилендер закатил глаза, — Ася ушла от него. — Да с кем же сочувственно спросил я. — С Кусиковым. Вы подумайте, гитарист, пьяница, бьет женщин, и Ася ради него бросила Б.Н.» (Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / Публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова // Минувшее: Исторический альманах. 15. СПб., 1994. С. 139).

³⁰ Троцкий Л. Вне-октябрьская литература. А. Белый. А. Блок // Правда. 1922. № 221, 1 окт.; статьи затем вошли в книгу Троцкого «Литература и революция»

Андрее Белом много верного, хотя конечно очень односторонне...» А 18 декабря того же года сообщает, что Е.П. Иванов³¹ «будет читать в Вольфиле доклад о “Глоссолалии”³² Андрея Белого. Говорит, что она гениальна, но кое-что имеет возразить».

Встретившись с Белым почти сразу после его появления в Москве, Е.Ф.К. налаживает с ним достаточно близкие отношения. Возможно, способствовал этому и Иванов-Разумник обращенным к Белому письмом (12 ноября 1923): «...пишу Вам это второе, “деловое” (посылаемое через Е.Ф. Книпович)»³³. Дальнейшее ее общение с Белым связано с организацией «Блоковского кружка», ставшего «Ассоциацией по изучению творчества Александра Блока» в структуре ГАХН³⁴. Ассоциацию возглавила Е.Ф.К. В письме Е.П. Иванову (12 ноября 1923) она сообщает: «С “Блоковским кружком” дело как будто налаживается. Белый обещал ближайшее участие, и у него уже готов доклад³⁵, Нилендер и Соловьев тоже подойдут к Блоку со своими темами³⁶, специалисты поставят работу над ритмикой, историей текстов и т.д., молодежь набирается хорошая...»³⁷

К тому же времени, очевидно, относится их разговор о Блоке, из которого одно замечание Белого она привела в воспоминаниях: «Несколько лет спустя, уже в Москве, Андрей Белый сказал мне, что Розанов так

(М., 1923), где статья «А. Белый» (с. 34–40) заключает раздел «I. Вне-октябрьская литература», а статья о Блоке (с. 84–90) выделена в самостоятельный третий раздел.

³¹ Иванов Евгений Павлович (1879–1942) — публицист, детский писатель; друг А.А. Блока. Е.Ф.К. поддерживала знакомство и переписку с ним вплоть до 1941 г.: см.: Александр Блок в дневнике Е.П. Иванова (1903–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. О.Л. Фетисенко // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 407.

³² Доклад читался 31 декабря 1922 г.; см.: Белоус В. Вольфила: В 2 кн. Кн. 2: Хроника. Портреты. М., 2005. С. 379.

³³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 252.

³⁴ Первое организационное заседание Ассоциации по изучению Александра Блока в ГАХН прошло 8 ноября 1923 г.; см.: Государственная Академия художественных наук. Отчет 1921–1925. М., 1926. С. 104.

³⁵ См.: «План к лекциям о Блоке в Москве 1923 г.» А. Белого (Магомедова Д. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М., 1997. С. 84). По характеристике автора, «план лекции в обнаженном виде воспроизводит схему прочтения эволюции Блока через валентинианский вариант гностического мифа» (Там же). Явно «теософский» уклон вряд ли в ту пору насторожил Е.Ф.К., и причины того, что доклад Белого в рамках Блоковской ассоциации не состоялся, очевидно, не в этом.

³⁶ Ни В.О. Нилендер, ни С.М. Соловьев не делали докладов в Блоковской ассоциации, хотя впоследствии и участвовали в ее работе; доклад Соловьева «Жуковский и символизм», близкий к «блоковской» теме, был сделан в ГАХН не в Блоковской ассоциации, а в Подсекции истории русской литературы 8 октября 1926 г.

³⁷ Цит. по: Ильюнина Л.И. Московская ассоциация по изучению творчества А. Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. С. 218–219.

определял внешность Блока: античная маска, за которой прячется лицо колдуна из “Страшной мести”³⁸.

Узнав о возвращении Белого, Бекетова торопится разузнать о нем именно у Е.Ф.К. и пишет (1 декабря 1923), не жалея восхищенных слов: «Пожалуйста, милая, напишите мне про Андрея Белого, хоть мне и рассказывали, что Вы о нем писали, я хочу еще знать. Несмотря на то, что он писал про меня в “Juven[ta]”³⁹, изображая какую-то глупую тетеньку⁴⁰, я считаю, что только в нем вся наша надежда, слава, честь, Господи! Что он идет всё вперед, а не назад, и, думаю, что он, наверное, стал еще лучше прежнего, т.е. проще, искреннее и глубже, а талант его блеска не теряет. Ужасно хочу его видеть и слышать, конечно. Скажите ему, чтобы он к нам зашел непременно, хотя и нет больше матери Блока⁴¹. Ведь я все-таки некая тень Аллаха на земле и последний из могикиан. Сerezу [Соловьёва — Б.Р.] тоже очень хочу видеть. Обоим от меня передайте горячий привет. Андрею Белому, скажите, что я счастлива, что он вернулся домой и “Россия не без него”. Помните в письме ко мне: “Как ни хорошо всё, что он говорит, это все же слова, а главное он сам, его пафос и т.д. Россия теперь без него...”⁴²».

Е.Ф.К. сообщает Бекетовой о своих встречах с Белым. Та, отвечая (12 декабря 1923), благодарит: «Спасибо Вам за сведения о кружке и об Андрее Белом. Думаю, однако, что ритмикой своей он Вас закачает⁴³.

³⁸ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 21. В статье «Загадки Гоголя» (1909) Розанов приводит рассказ о снятии посмертной маски с Гоголя, а следом замечает: «...живой и вдохновенный Гоголь напоминает пана-колдуна из “Страшной мести”» (Розанов В.В. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1995. С. 336). Позже Е.М. Тагер, рассказывая об исключении Розанова из Религиозно-философского общества, вспоминала о присутствовавшем там Блоке: «...не лицо, а строгая античная маска» (Тагер Е.М. Блок в 1915 году // Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 103). В «Воспоминаниях о Блоке» Белого этот образ повторяется, например, в связи с поэмой «Возмездие» в таком контексте: «...колдун “Страшной Мести” — чудовище зла потому, что — последний в грехом отягощаемом роде: он — декадент, жалкий выродок и прижизненный труп...» (Белый А. Воспоминания о Блоке / Под ред. В.М. Пискунова. М., 1995. С. 424).

³⁹ Юность (лат.).

⁴⁰ Возможно, имеется в виду следующее место из описания первого приезда Белого в Шахматово: «...нас встретили две, как казалось нам, невысокого роста растерянных дамы; они были худы, нервны и порывисты (мать поэта и тетка поэта)...» (Белый А. Воспоминания о Блоке // Эпопея. 1922. № 1. С. 240; см. также: Эпопея. № 2. С. 164).

⁴¹ Кублицкая-Пиотгух Александра Андреевна (урожд. Бекетова, в первом браке Блок; 1860–1923) — переводчица, литератор; умерла 25 февраля 1923 г.

⁴² Цитата из письма А.А. Кублицкой-Пиотгух к М.А. Бекетовой 22 июля 1920 г. (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 505).

⁴³ 17 декабря 1923 г. А. Белый, сообщая Иванову-Разумнику, над чем он работал «последние недели», в первую очередь называет работу «над трехдольниками поэтов

Это очень специально. Разве в его собственном изложении оно будет вразумительно и интересно».

Бекетова поддерживает занятия Блоковским кружком в связи с отношениями с Белым: «С кем же, как не с Вами обсуждать дела кружка Андрею Белому? Ведь Вы же его душа. Ведь очень знаменательно, что и “бабушка”⁴⁴ Ваша и Люба обе считают, что Вы понимаете Блока так, как никто из посторонних. Сначала это знали только они, с другими Вы все молчали, да покуривали, иные даже на Вас косились и недоумевали, но теперь все друзья Блока, с которыми я имею дело, желают, чтобы Вы были в Петербурге, и относятся к Вам совсем особенно и многого от Вас ждут. Я думаю, что Ваши мысли созрели и вполне оформились, и Вы можете сказать то, что другие не могут знать, Вы знаете самую сущность Блока, знаете и чувствуете, а при этом ведь Вы очень умны и интеллигентны, да еще и образованны. Конечно, Андрею Белому говорил про Вас и Сережа [Соловьев — *Б.Р.*]».

Участовавший в работе Блоковского кружка А.К. Горский писал М.М. Шкапской (24 ноября 1923) вскоре после приезда в Москву Белого: «...друзья опекающие его, решили куда держать под спудом и нигде публично не показывать. Даже в наш блоковский кружок решено привести его на третье или четвертое собрание, когда дело окончательно станет на рельсы»⁴⁵.

Судить об отношении Е.Ф.К. к Андрею Белому по письмам Бекетовой можно лишь опосредованно, поскольку ее письма нам неизвестны. Ясно только, что она заинтересована в поддержании контактов с Белым и что для начала работы Блоковской ассоциации его участие значило бы многое. В «Заявлении в Литературную секцию Российской академии художественных наук» о присоединении Блоковского кружка к РАХН в его составе названо и имя Белого (как и имя К.Н. Васильевой)⁴⁶. В ее письме (25 января 1924) к Е.П. Иванову Белый упоминается в сообщении о «кружке» (как его участники еще именуют Ассоциацию): «...Планов много и работы много — но очень тревожно. Скоро первое открытое заседание — выступление Белого. Часто его вижу...»⁴⁷

В связи с подготовкой этого заседания 8 февраля она едет в Петроград и везет по просьбе Белого его письмо к Иванову-Разумнику. В нем Белый,

---

(в частности Блока [...])» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 270); выше в том же письме упомянута Книпович.

⁴⁴ Как вспоминала Книпович, мать Блока «попросила, чтобы я не звала ее по имени-отчеству, а называла бабушкой» (*Книпович Е.* Об Александре Блоке. С. 20).

⁴⁵ *Горский А.К.* Сочинения и письма: В 2 кн. / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой. М., 2018. Кн. 2. С. 352.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 19. Л. 9–10.

⁴⁷ Цит. по: *Ильюнина Л.И.* Московская ассоциация по изучению творчества А. Блока. С. 219.

в частности, писал: «В несурзности вываливания перед Вами материала данного состояния сознания моего сказала только настоятельнейшая, горящая потребность личного общения с Вами “*вопреки всему*” и мысль, что это письмо повезет Вам в пятницу Книпович⁴⁸ и, стало быть, “*бочку Данаид*” минует письмо»⁴⁹. Очевидно, что эта оказия важна для Белого, который через день после ее отъезда также выехал в Петроград.

Вскоре (20 февраля 1924) Белый выступил на вечере памяти Блока в Политехническом музее, но его выступление в первом публичном заседании Блоковской Ассоциации 19 марта не состоялось и на афише⁵⁰ его имя не появилось. Не участвовал Белый и в повторении этого заседания 27 марта⁵¹. Возможно, это было связано и с его поездкой (24 февраля — 7 марта) в Киев⁵², и со спешной работой над драмой «Петербург». Но существенно, что и в дальнейшем в работе Блоковской ассоциации Белый никакого участия не принимал.

3 марта 1924 г. Бекетова делится с Е.Ф.К. впечатлениями от февральских выступлений Андрея Белого в Ленинграде (14 февраля — «Одна из обителей теней» и 18 — «Поэзия Блока»): «Была я на лекциях А. Белого. Мне понравились обе, но вторая гораздо лучше. Я должна сказать, что самый вид и присутствие А. Белого уже меня как-то особенно волнует и умиляет. Он один у нас остался, он так близок к Саше, и такие у него мысли, и так он их выражает, что я готова слушать его без конца. Ужасно его люблю. Были ли Вы на его лекциях? Мне даже трудно выразить, что именно во мне происходит, когда я слушаю А. Белого. Вы, может быть, это и так понимаете».

В письме Иванову-Разумнику (17 июля 1924) Белый упоминает, что о «последних судьбах Вольфильты» ему кое-что «передала Евг[ения] Федор[овна]»⁵³. Это могло произойти только перед самым отъездом Белого

⁴⁸ О поездке Е.Ф. Книпович в Петроград упоминается также в письме к ней Бекетовой от 3 марта 1924 г.

⁴⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 288.

⁵⁰ Воспроизведение афиши, ошибочно датированной 1923 г., см.: Андрей Белый. Александр Блок. Москва / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина А.Э. Рудник, М.Б. Шапошников. М., 2005. С. 286. Первое публичное заседание Ассоциации по изучению творчества Александра Блока 17 марта прошло под председательством Л.П. Гроссмана. На нем прозвучали доклады В.В. Гольцева «Задачи Ассоциации», Е.Ф. Книпович «Путь к “Возмездно”», были прочитаны статья Блока «Без божества, без вдохновенья» (вступительное слово к ней М.В. Бабенчикова, обозначенное на афише, не прозвучало) и «Дневник Александра Блока за 1918 г.».

⁵¹ В заседании 27 марта кроме прежних докладчиков принял участие П.Н. Зайцев, что, возможно, как-то связано с отсутствием А. Белого. См.: Государственная Академия художественных наук. Отчет 1921–1925. С. 115.

⁵² См.: Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А.В. Лавров // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации / Сост. Ст. Лесневский, Ал. Михайлов. М., 1988. С. 797.

⁵³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 296.

в Коктебель, то есть в конце мая 1924 г. Е.Ф.К. знала о конце Вольфилы из письма М.А. Бекетовой (20 мая 1924): «Дорогая Женя, вчера было последнее заседание Вольфилы, ее существование кончено⁵⁴. Читался дневник Блока 19-го года, имеющий отношение к открытию Вольфилы и к “Крушению гуманизма”. Были скучные прения, сказал несколько слов Пинес⁵⁵ и Разумник. Эту неделю была речь о том, чтобы в помещении Вольфилы устроить Блоковский кружок, подобрать новых людей, т.к. прежние не могут быть учредителями. Люба не захотела быть одной из учредительниц, как ей предлагали, нашла, что не нужно кружка, неприлично притягивать за волосы, что было только потому, что у Вольфилы есть 70 стульев и помещение, и т.д. Посылали Ев[гения] Павл[овича] к Медведеву⁵⁶ для переговоров, он тоже не сочувствует. Так что мысль о кружке оставлена. Мне очень жаль, что Вольфила окончилась, я люблю ее дух, ее благородство, бесконечно благодарна за отношение к Блоку, единственное в своем роде, но вчера увидела, что она отжила свое и в ней появились нежелательные элементы, нарушающие ее дух. Не надо больше Вольфилы».

В начале 1925 г. наконец вышел сборник «Современная литература» (он должен был выйти год назад), где статья Е.Ф.К. «Дело Блока» (написанная, очевидно, в конце 1923 г.⁵⁷) помещена вслед за статьей (фрагментом из «Воспоминаний о Блоке») Андрея Белого «“Снежная маска” А. Блока». Составитель Иванов-Разумник (в книге его имя отсутствовало по цензурным причинам) ввел начинающую Е.Ф.К., известную лишь публикацией двух предисловий к «Путевым картинам» Гейне⁵⁸ под редакцией Блока, в круг значительных литературных имен, явно учитывая ее близость к поэту. Белому он писал (28 января 1924):

⁵⁴ 30 апреля 1924 г. датирована резолюция об отказе перерегистрировать Вольфилу как научное общество, а 7 мая уведомление об отказе; см.: *Белоус В. Вольфила*. Кн. 2. С. 406, 413.

⁵⁵ Пинес Дмитрий Михайлович (1891–1937, расстрелян) — историк литературы, библиограф, секретарь Вольфилы (1922–1924); исследователь творчества А. Блока и А. Белого. Его имя часто встречается в письмах М.А. Бекетовой к Е.Ф.К., с которой Пинес также обменивался письмами (см. письма Е.Ф.К. к нему: РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 121) и встречался во время приездов в Москву.

⁵⁶ Медведев Павел Николаевич (1891–1938, расстрелян) — теоретик и историк литературы, критик; автор многих работ о Блоке, публикатор его наследия.

⁵⁷ 22 ноября 1923 г. на втором заседании Ассоциации ему сделан доклад «Дело Блока»; см.: Государственная Академия художественных наук. Отчет 1921–1925. С. 105.

⁵⁸ *Гейне Г. Избранные сочинения: В 7 т. Т. VI: Путевые картины. Ч. 3 и 4 / Пер. В. Зоргенфрея, с предисл. Е. Книпович. Пб., 1922. С. 7–18, 179–191. Е.Ф.К. всюду указывала, что начала печататься в 1918 г., видимо, имея в виду статью «Два спектакля», написанную для редактировавшегося Блоком сборника «Репертуар», но он не увидел света; см. об этом: *Иванова Е. Александр Блок: последние годы жизни*. СПб.; М., 2012. С. 268–274.*

«...очень милая девушка, немного *par trop*⁵⁹ декадентизирующая Блока и символизм, я бы сказал даже — зашибленная Блоком, но очень милая и верная»⁶⁰. Ее велеречивые размышления о *деле Блока* подтверждали это впечатление. Но в пору появления сборника взгляды Е.Ф.К. не только на блоковское творчество, а и на символизм уже начали меняться.

В 1924 г. появилась статья Е.Ф.К. «О литературном наследии Блока»⁶¹. Здесь она говорит о «характерном для Блока последнего периода творчества устремлении к реализму и человеческой конкретности»⁶², о его уходе «от лирического субъективного творчества», о трагедии «художника переходного времени, принадлежащего двум эпохам»⁶³. Это уже почти согласно с Троцким: «...Блок не наш. Но он рванулся к нам»⁶⁴. И тут в связи с ее отношениями с Белым существенно то, что сказано Е.Ф.К. о «Балаганчике», в статье названном «краткой сказкой [...] о том, чем может кончиться собрание людей, постаравшихся спрятать себя как можно глубже и оттуда понимать такого же другого»⁶⁵. «Собрание людей» — это, конечно, символисты. Теперь уже Белый вряд ли мог бы повторить слова об ощущении их близости. И дело не столько в былой, резко отрицательной реакции на «Балаганчик» Белого, утверждавшего и в 1928 г., что он «всегда был символистом»⁶⁶, или в его антропософских убеждениях, сколько в очевидной идейной эволюции Е.Ф.К. периода чисток и «перековки» интеллигенции. В свое время, говоря об отношении Андрея Белого к В.В. Гольцеву⁶⁷, заместителю Е.Ф.К. в Блоковской ассоциации, П.Н. Зайцев писал, что тот «когда-то слушал лекции Бориса Николаевича, увлекался философией (был «бергсонианцем», как отмечал Зайцев в подготовительных записях. — *Б.Р.*), изучал творчество А. Блока, а когда повяло РАППом и ВАППом, стал полегоньку свертывать паруса и поворачивать свой кораблик по ветру»⁶⁸. Почти то же самое можно сказать и о Е.Ф.К.

Последний раз Бекетова упоминает имя Белого в письме к Е.Ф.К. от 9 июня 1926 г. (в это время Белый находился в Ленинграде или Детском

⁵⁹ Чересчур (*фр.*).

⁶⁰ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 281.

⁶¹ Книпович Е. О литературном наследии Блока // Книга о книгах. 1924. № 7–8. С. 23–26.

⁶² Там же. С. 25.

⁶³ Там же. С. 26.

⁶⁴ Троцкий Л. Литература и революция. М., 1923. С. 90.

⁶⁵ Книпович Е. О литературном наследии Блока. С. 25.

⁶⁶ Белый А. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М., 1994. С. 418.

⁶⁷ Гольцев Виктор Викторович (1901–1955) — критик, литературовед; заместитель председателя Ассоциации по изучению творчества А. Блока ГАХН.

⁶⁸ Зайцев П.Н. Воспоминания. С. 137; см. также примеч. на с. 645.

селе): «Слыхала от Сережи Соловьева (т.е. он мне написал), что Вы окончательно разошлись с А. Белым. Писать об этом конечно нельзя, надо поговорить, но мне это жаль. Я все-таки считаю, что его отношение к Блоку не холодное и не теплое и несравненно лучше отношения, например, Серг[ея] Мих[айловича]. Я начинаю понимать, за что сердилась на него мать Блока, сама его, т.е. Сер[гея] Мих[айловича] очень люблю. Его католицизма, преувелич[ивания] семейственности и равнодушия во многих важных случаях я не понимаю. Но человек он замечательный и очень милый. А Вас, не равнодушную я еще раз крепко целую».

Бекетова, очевидно, полагала, что причина расхождения Е.Ф.К. и Белого — разногласия в отношении к Блоку. Но это могло быть лишь одной из причин⁶⁹, тем более что работа Ассоциации, переименованной в Комиссию Литературной секции ГАХН, переживала трудности.

Прежде занятая только Блоковской ассоциацией и службой в Публичной библиотеке им. Ленина (с апреля 1925), в конце 1927 г. Е.Ф.К. начала сотрудничество с «Красной Новью» рецензией на подготовленный Бекетовой первый том «Писем Александра Блока к родным». Некоторый выпад в сторону Белого можно усмотреть в ее в общем резонном утверждении, что письма «разрушают много легенд, созданных современниками Блока в опубликованных ими воспоминаниях», и в том, что у Блока «товарищеской близости, единства замыслов и работы не было ни с кем»⁷⁰.

В следующем, 1928 г. вышли два тома «Дневников» Блока под редакцией П.Н. Медведева, вызвавшие ожесточенные споры. Это издание возмутило Белого. По воспоминаниям Зайцева, он находил «что опубликование дневников за эти именно годы, без связи с остальными, было бестактным»⁷¹. Своим возмущением он делился с Ивановым-Разумником (16 апреля 1928): «Могу сказать: кратко: читал-кричал! Т.е. прочтешь страничку, и — взорешь от негодования»⁷². Негодовал он и на Медведева, назвав прохвостом, и даже на Блока, восклицая: «...но где была “жена”, где была “тетя”, где была “Блоковская академия” (т.е. Ассоциация — Б.Р.). Даже... Книпович опустила голову; даже...

⁶⁹ Косвенно изменившееся отношение Е.Ф.К. к Белому поясняет эпизод его размолвки с Гольцевым, ее заместителем и ближайшим соратником по Блоковской ассоциации, поведенный П.Н. Зайцевым: «Как-то раз В.В. Гольцев, приехав в Кучино, несколько учительно, по-профессорски наставлял Бориса Николаевича, учил его уму-разуму. Белый вскипел, отчитал Гольцева ...» (*Зайцев П.Н. Воспоминания. С. 137*).

⁷⁰ *Книпович Е. Письма Александра Блока к родным. Т. 1 // Красная новь. 1927. № 12. С. 225.*

⁷¹ *Зайцев П.Н. Воспоминания. С. 103.*

⁷² Андрей Белый и Иванов Разумник. Переписка. С. 587.

она стыдится»⁷³. Тут важно слово «даже», хотя его можно истолковать по-разному.

У Е.Ф.К. нашлись свои претензии к изданию «Дневников». Она высказала их во вступительном слове на заседании Комиссии литературной секции ГАХН по изучению творчества Блока (22 ноября 1928 г.)⁷⁴. То, что возмутило Белого и было очевидно многим, она обозначила в самом начале: «Оставим в стороне вопрос [...] возможно ли издавать историко-литературный документ в виде фрагментов, с большими пропусками, зачастую искажающими самый смысл, самые настроения данной эпохи»⁷⁵. Дальше она заявляет, что «настоящий спор о Блоке ... решится не нами»⁷⁶. Но, по долгу советского критика, она особенно рьяно нападает на религиозное, мистическое: «... в том-то и ужас, что яд, отравлявший Блока, был очень тонким, очень невещественным, и проникал он поэтому очень глубоко». Все эти рассуждения, опять-таки, подтверждение вывода Троцкого: «Блок не наш»⁷⁷. Здесь она явно прилаживается к рапповскому хору. А о Белом цитирует запись Блока: «...слишком во многом нас жизнь развела»⁷⁸.

В год «великого перелома» и «успешного наступления на капиталистические элементы» недвусмысленное отречение от опасного прошлого, от снисходительности к символизму, к его поэтам понятны. Вновь писать о Блоке она соберется только через полвека.

В письме к сестре В.Ф. Книпович⁷⁹ (5 мая 1932), рассказывая о прощании с П.С. Коганом⁸⁰, умершим 2 мая, Е.Ф.К. упоминает Белого: «Два раза стояла в почетном карауле. Один раз сменяла старую суку Андрея Белого⁸¹, который увидев меня закланялся (в карауле!) и едва не брякнулся в обморок». Здесь уже слышится неприязнь, а не идейные разногласия.

После смерти Андрея Белого она обратится к символизму и символистам в отклике на роман Ольги Форш «Ворон»⁸² (первый вариант

⁷³ Там же. С. 588.

⁷⁴ Опубл.: *Книпович Е.* Александр Блок в его «Дневниках» // Печать и революция. 1929. № 2/3. С. 91–103.

⁷⁵ Там же. С. 91.

⁷⁶ Там же. С. 92.

⁷⁷ *Троцкий Л.* Литература и революция. С. 90.

⁷⁸ *Книпович Е.* Александр Блок в его «Дневниках». С. 94.

⁷⁹ Книпович Вера Федоровна (1894–1983); в 1929–1937 г. замужем за историком Б.Ф. Поршневым.

⁸⁰ Коган Петр Семенович (1872–1932) — историк западноевропейской и русской литературы, критик, переводчик; президент ГАХН; не раз писал о творчестве Белого.

⁸¹ См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 312.

⁸² Форш (урожд. Комарова) Ольга Дмитриевна (1873–1961) — писательница; ее роман «Ворон» (Л., 1934) при жизни автора не переиздавался.

в журнальной публикации появился под названием «Символисты»⁸³). Почему она откликнулась на этот роман? О чем хотела сказать? Можно лишь высказать предположения. Дело в том, что с Форш, с которой ее некогда познакомила мать Блока⁸⁴, Е.Ф.К. связывали дружеские отношения. 16 июля 1931 г. она сообщает о ней сестре Вере: «Была проездом с Кавказа наша возлюбленная старуха. [...] Она привезла роман — больше скверный, чем хороший». Видимо, речь идет именно о романе «Символисты» в его ранней редакции. Е.Ф.К. хорошо знает о «теософском»⁸⁵ и «символистском» прошлом Форш, о том, что, несмотря на все разноречия, ей остался духовно близок Андрей Белый. Ольга Форш так же, как и он, переживала эти годы в попытках приспособиться к режиму, стараясь, в меру сил не изменяя себе, оставаться в литературном процессе. Форш это не без потерь, но удалось. Будучи признанной советской писательницей, она говорила в конце жизни: «Я отдала дань символизму. Остановись мое развитие на нем, я была бы опустошена. Подобные примеры были у меня на глазах. Не знаю, что стало бы со мной, если бы не Октябрь»⁸⁶. Но, несмотря на подобные «юбилейные» высказывания, убеждение, что революционное и мистическое связаны, кажется, осталось в ней навсегда. В ноябре 1942 г. Форш говорила Всеволоду Иванову: «Робеспьер, Демулен и прочие вожди французской революции родились в масонских клубах. Там получили они идеи, которые подали народу [...] Где-то там, в теософических кругах, родился и воспитан этот истерик, марионетка Гитлер, за спиной которого стоят не теософы ли. Это ужасно интересно»⁸⁷.

В пору появления в «Звезде» «Символистов» шла критическая проработка ее романа «Сумасшедший корабль». Е.Ф.К. не может промолчать и о нем, в рецензии «Символизм и современность»⁸⁸ под-

⁸³ Форш О. Символисты // Звезда. 1933. №№ 1, 5, 9, 10.

⁸⁴ См. запись Блока 20 декабря 1920 г.: «Масса гостей (О. Форш у мамы, Е.Ф. Книпович [...])» (*Блок А. Записные книжки*. С. 510).

⁸⁵ О.Д. Форш и ее муж Б.Э. Форш состояли в Теософском обществе, известны их публикации в «Теософском вестнике». В 1924 г. в автобиографии Форш прямо писала о «полосе временного увлечения научным оккультизмом» (Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / Под ред. Вл. Лидина. М., 1928. С. 356). См. также: *Нутрихин Р.* Ольга Форш: советский мистик из Ставрополя. Пятигорск, 2014; *Чистобаев А.В.* Творчество О. Форш 1910–1930-х гг. в контексте русской культуры начала XX в. / Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. С. 10–43.

⁸⁶ *Славентантор Д.* У Ольги Форш: К 85-летию со дня рождения // Литературная газета. 1958. № 063 (3874), 27 мая. С. 2.

⁸⁷ Ольга Форш в воспоминаниях современников. Л., 1974. С. 172; см. полный текст дневника: *Иванов Вс.* Московские тетради: Из дневников военного времени / Предисл. Вяч. Вс. Иванова // *Дружба народов*. 2001. № 8.

⁸⁸ *Книпович Е.* Символизм и современность // *Художественная литература*. 1934. № 10. С. 8–11.

дакивая обличителям «реакционной повести», называет ее «идейной и творческой неудачей»⁸⁹, чтобы — в противовес? — объявить лучшими страницами романа «Ворон» «описание празднования 15-летия Октябрьской революции в Ленинграде». И умиляет рецензентку в этом описании «огненная, бегущая по небу полоска: — “Пятнадцать лет по ленинскому пути”»⁹⁰. Вывод: писательница не безнадежна, она на пути преодоления «ценностей символизма». Возможно, здесь крылся благородный замысел защитить «возлюбленную старуху» — для тех времен логика защиты понятна. Стоит лишь вспомнить, что тогда говорилось о «Сумасшедшем корабле». В.В. Ермилов заявлял в докладе: «...идея романа О. Форш объективно есть идея победы буржуазной культуры над пролетарской»⁹¹, а Б.С. Рюриков в статейке, озаглавленной «Куда идет корабль», называл роман буржуазной теорией «ликвидации искусства в стране строящегося социализма»⁹².

В опубликованном несколько месяцев спустя расширенном и переработанном варианте рецензии на «Ворона»⁹³ Е.Ф.К. старается более убедительно выгородить автора, убеждая, что тема «символизма как поведения» «еще [...] получит в ее творчестве [...] не “богоборческое”, а “безбожное” освещение». Она, конечно, молчит о дореволюционных поисках «высшей реальности» Ольгой Дмитриевной, знавшей Штейнера, состоявшей в теософском обществе. И последовательно отделяет Форш от символизма, обличая и развенчивая. Здесь уже появляется имя Андрея Белого, названного «защитником и апологетом символизма». И всё же Е.Ф.К. предлагает не смешивать Белого, как и Блока с Брюсовым, «с “мародерами” эпохи реакции»⁹⁴, но клеймит Сологуба и Вячеслава Иванова, а главное, демонстрирует превосходство «революционной теории» не только над Форш и Белым, но и над Блоком (который, как она сожалела через полвека, ее не знал «и не верил в ее значение»⁹⁵). Не обходит и того, что Белый, как и Форш, связывает символизм с революцией:

«Мемуары [...] и особенно тонкие, злые, умные мемуары Белого, в сущности преследуют одну им ту же цель — счесться родней между Октябрьской революцией и так называемым русским символизмом.

Не все авторы делают это наивно и обнаженно. Так, книги Андрея Белого “На рубеже двух столетий” и “Начало века” несомненно “антиклерикальны”. Автор довольно жестоко расправляется со жрецами

⁸⁹ Там же. С. 11.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ На литературном посту. 1932. № 3. С. 12.

⁹² Там же. С. 19.

⁹³ Книпович Е. Сопrotивление материала // Красная новь. 1935. № 3. С. 225–234.

⁹⁴ Книпович Е. Сопrotивление материала. С. 227.

⁹⁵ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 4.

и “теургами”, но только для того, чтобы спасти самое “божество”. [...] Символизм в изображении Андрея Белого оказывается непризнанным союзником русского рабочего движения, действующим другими методами и в иной плоскости, родным братом революционного марксизма»⁹⁶.

Уверовав в «революционную теорию», Е.Ф.К. обличает символизм как «веру»: «Символизм, который декларировался как мироощущение и миропонимание, как содержание собственной жизни, или, говоря по честности, как своеобразная религия (о том, что символизм был задан именно так, говорят и статья Белого “Символизм, как мировоззрение”, и статья Блока “О символизме”, и статья Брюсова) [...]»⁹⁷

В одном из главных героев «Ворона» Лагоде очевидно сливаются две ипостаси — Андрея Белого и автора. Е.Ф.К., понимая это, говорит о «чудаковатом учителе Лагоде», «антике», «которого автор до известной степени сделал своим “рупором”»⁹⁸, и связывает его с героем «Сумасшедшего корабля», «тоже учителем» Сохатым, «который ухитрился написать поистине блестящую статью о “романе итогов” (то есть о “Петербурге” Андрея Белого), которая в 1925 году была напечатана под названием “Пропетый гербарий” за подписью Ольги Форш»⁹⁹. Лагода на протяжении всего романа играет навыками упраздненного символизма, [...] он пишет сочинение о Гоголе — “отце символизма” [...]»¹⁰⁰

Е.Ф.К. здесь отсылает к «Мастерству Гоголя» (1934) Андрея Белого. Л.Б. Каменев в предисловии к этой книге (сглаженном по сравнению с предисловием к «Началу века», где символизм назван явлением «творческой деградации и вырождения», продуктом «загнивания русской буржуазной культуры») в своем «марксистском» презрении назвал взгляды Белого «отрыжкой» «мистико-идеалистических представлений»¹⁰¹.

⁹⁶ Там же. С. 225. Еще Бунин в 1918 г. замечал, что Андрей Белый «сочетает свой большевизм с обычной для него теософией» (цит. по: *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2000. С. 21). То же писал о Белом Н.К. Чуковский в воспоминаниях, относящихся к 1924 г.: «...в его уме каким-то таинственным образом марксизм уживался с антропософией» (*Чуковский Н.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 142), а В.П. Веригина вспоминала (о 1908 г.): «Андрей Белый знакомил меня с марксизмом» (Театральные воспоминания о Блоке В.П. Веригиной и Н.Н. Волоховой / Публ. Д.Е. Максимова и З.Г. Минц, коммент. З.Г. Минц // Ученые записки Тартуского гос. университета: Труды по русской и славянской филологии. IV. Вып. 104. Тарту, 1961. С. 339).

⁹⁷ *Книпович Е.* Сопrotивление материала. С. 228.

⁹⁸ Там же. С. 229.

⁹⁹ *Форш О.* «Пропетый Гербарий» // Современная литература. Сб. статей. Л., 1925. С. 31–47; любопытно, что статье Форш предшествует вполне «символистская» статья Е.Ф.К. «Дело Блока» (с. 23–30).

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ *Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л., 1924. С. VIII. Белый, к тому времени, видимо, привыкший к уничижительным формулировкам и тону «марксистской» критики, счел это высокомерно-резкое предисловие приемлемым, записав в дневнике: «статья вполне приличная, приятная для меня» (Литературное

Впрочем, Каменев, в те поры чувствовавший себя волком в загоне, мечтавший о том, чтобы Сталин забыл о нем, лишь повторил не раз сказанное. Троцкий давно насадил Андрея Белого на большевистскую булавку, объявив, что в нем «упадочная по настроениям и захвату, утончавшаяся по технике, индивидуалистическая, символическая, мистическая литература находит наиболее сгущенное свое выражение...»¹⁰², и закрыл тему приговором: «Белый — покойник, и ни в каком духе он не воскреснет»¹⁰³.

В рецензии на роман Ольги Форш Е.Ф.К. выступила как верная соратница Каменева. Собственно, она и была ею, хотя, по понятным причинам, нигде о своих отношениях с павшим вождем не упоминала. В письме (судя по сохранившемуся конверту, посланному не по почте) она пишет сестре (30 января 1932): «Я всё плотнее запутываюсь в сетях Каменева. Он таким старым Черномором меня обольщает и убеждает, что литература и критика — тлен, что рапповцы — глупые мальчишки, и что с ним, занимаясь историческими делами, я буду как у Христа “в запасе”, никто меня не тронет и т. д. Он втягивает меня во все новые и новые предприятия и деньги, теперь, вероятно, будут постоянно и отпуск обеспечится». Из письма 13 июля 1932 г.: «Каменев уезжает в Тиберду, но надавал мне массу дел по Асадемии». Есть упоминания Каменева и в других ее письмах того времени, в частности, о помощи Льву Борисовичу в его занятиях наследием Герцена.

Пожалуй, защита «пламенной старухи» Е.Ф.К. удалась, судя хотя бы по такой характеристике романа, вскоре появившейся в советской энциклопедии: «...Форш обнажает и разоблачает символизм как буржуазно-упадочное сугубо индивидуалистическое искусство и подходит к более правильному пониманию проблемы коллективизма и личности в Советском Союзе»¹⁰⁴. Но видится здесь и карьерный расчет критикессы, некогда близкой к Блоку, а теперь «революционно» разделяющейся с символизмом.

О Белом, как и о Блоке, Е.Ф.К. станет вспоминать уже совсем в иные времена, но так же, как и большинство советских литературоведов, изображая их «дружбу-вражду» главным образом противопоставлениями. Ее статья «Мой Вагнер» (1985) наглядно это демонстрирует. «Любопытно, насколько по-разному трактовали тему “пожара Валгаллы” и “гибели

наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев; науч. ред. М.Л. Спивак; сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; подгот. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т.В. Павловой, М.Л. Спивак; статьи и коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, М.Л. Спивак. М., 2016. С. 1004).

¹⁰² Троцкий Л. Литература и революция. С. 34–35.

¹⁰³ Там же. С. 40.

¹⁰⁴ Большая советская энциклопедия. Т. 58. М., 1936. Стлб. 261.

богов” Блок и Андрей Белый», — говорит Е.Ф.К. и приводит слова Блока, вырванные из контекста переписки с Белым: «Я не мистик, а всегда был хулиганом, я думаю. Для меня и место-то, может быть, не совсем с Тобой, Провидцем, знающим пути, а с М. Горьким...». Тут же она замечает, что для Андрея Белого «тема “гибели богов” теснейшим образом слилась с учением “доктора”¹⁰⁵ — пророка антропософии». И добавляет, что «даже приветствуя Октябрь (что навсегда останется в биографии Белого), он по-своему “брал под защиту” Валгаллу»¹⁰⁶.

«Октябрь», отношение к нему для Е.Ф.К., «бойца идеологического фронта», — главное в оценке современников Блока, и это обозначение большевистской революции как заклинание многожды (тут она не оригинальна) повторяется в ее текстах. В статье «Читая Ленина», борясь с «упразднителями марксизма-ленинизма за рубежом»¹⁰⁷ и осуждая предпочтения западных славистов, она недовольно говорит о «холодке» в их отношении к Горькому или Фадееву¹⁰⁸ и удивляется такому же «холодку» в отношении к Блоку в противоположность Андрею Белому, вызывающему «горячее и всеобщее поклонение»¹⁰⁹, или Леониду Андрееву. И тут же встает на защиту «советского» Белого, который, в отличие от Андреева, «по-своему, в религиозных образах, но воспел [...] “неописуемый, огненный год”», и этим «как и автор “Двенадцати”», поставил себя в ту пору вне рядов буржуазной интеллигенции ...»¹¹⁰

За долгую жизнь Е.Ф.К. сделала карьеру советского критика, недреманного стража идейности и партийности. Ахматова в 1960-е гг. назвала ее «настоящей леди Макбет»¹¹¹, имея в виду деятельность Е.Ф.К. как издательского рецензента (она помешала, например, выходу поэтических книг Д. Кедрина¹¹², М. Петровых¹¹³, А. Тарковского¹¹⁴ и др.). Но годы ее молодости были озарены близостью к Александру Блоку и его совре-

¹⁰⁵ Так последователи называли Рудольфа Штейнера (1861–1925), философа-мистика, основателя и руководителя Антропософского общества.

¹⁰⁶ Книпович Е. Об Александре Блоке. С. 117.

¹⁰⁷ Книпович Е. За 20 лет: Статьи. М., 1978. С. 19.

¹⁰⁸ Там же. С. 12.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 2: 1952–1962. С. 210.

¹¹² См.: Кедрин С.Д. Жизнь вопреки всему: Тайна рождения и тайна смерти поэта Дмитрия Кедрина. Днепропетровск, 2006. С. 249.

¹¹³ См.: Ефимов Е. Мария Петровых. Неизданные стихи // Знамя. 1998. № 12. С. 127.

¹¹⁴ «А. Тарковский принадлежит к адептам того “черного пантеона”, который воздвигнут в умах и сердцах довольно многих его сверстников. Гумилев, Мандельштам, Ходасевич соблазнили немало народу...» — писала Е.Ф.К. в рецензии, помешавшей выходу первой книги стихов поэта (цит. по: Тименчик Р. Сергей Спасский и Ахматова // Toronto Slavic Quarterly. № 50. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/50/tsq50_timenchik.pdf).

менникам. Публикуемые ниже письма А.А. Тургеневой, А.Д. Бугаевой, В.В. Егорьева и Андрея Белого, сохранившиеся в ее архиве, говорят именно об этом недолгом времени и добавляют немногие, но живые подробности к биографии выдающегося писателя начала XX в.

1

Письмо А.А. Тургеневой Андрею Белому

[декабрь 1917]¹¹⁵

Боринька, эти недели пишу тебе реже так всё неуверенно. Не знаю дойдет ли хоть что-нибудь. Спасибо за телеграмму. Я хоть не беспокоилась всё же уверенней. Сейчас у нас начинается предрождественская суета, репетиции приготовления. Но я не участвую из предосторожности. Мастерскую плохо топят и все не вылезают из насморков¹¹⁶.

Сижу дома. Много рисую, граввирую. Кончила композицию в 5 фигур¹¹⁷. Постараюсь ее прислать. Теперь работаю над портретом Д[окто]р[а]. К несчастью по фотографии. На днях меня позовут работать на группе. Она совсем кончена в пластилине. Составляют дерево. Вышла задержка, потому что надо было сделать новую фигуру, для равновесия¹¹⁸. Вышло очень хорошо. Это элементарное существо с крыльями

¹¹⁵ Письмо не датировано, конверт отсутствует. Авторство и дата установлены по содержанию и почерку. Письмо отправлено из Дорнаха (Швейцария), где А.А. Тургенева осталась после отъезда Белого в Россию в середине августа 1916 г. Каким образом письмо оказалось в архиве Е.Ф. Книпович, установить не удалось. В воспоминаниях «Андрей Белый и Рудольф Штейнер» А. Тургенева писала: «Из-за условий его жизни переписка с ним вскоре прекратилась...» (*Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. и вступ. ст. В.М. Пискунова. М., 1995. С. 200*). Письма Белого А.А. Тургеневой после их расставания см.: *Andrej Belyj at Home and Abroad (1917–1923): Materials for a Biography // Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 430–450*; а также: Письма Аси Тургеневой Андрею Белому // «Люблю тебя нежно...»: Письма Андрея Белого к матери: 1899–1922 / Сост., предисл., вступ. ст., подгот. текста и коммент. С.Д. Воронина. М., 2013. С. 257–258.

¹¹⁶ Речь идет не только о репетициях, но и об упоминающейся ниже работе над скульптурной группой Р. Штейнера и Эдит Марион для Гётенаума, выполнявшейся в дереве. Тургенева вспоминала: «Из-за холода нам часто приходилось репетировать в пальто, и наши стамески на морозе ломались. Надо было экономить на еде; мы были вынуждены оплачивать из собственного тощего кармана единственного оставшегося рабочего...» (*Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётенаума. М., 2002. С. 103*).

¹¹⁷ Тургенева работала над оконными витражами Гётенаума по эскизам Р. Штейнера.

¹¹⁸ Она рассказывает об этом в воспоминаниях, приводя слова Штейнера: «... для выравнивания мне надо слева еще что-то изобразить...» (*Тургенева А. Указ. соч. С. 119*).

выходящими из головы, которое сверху наклоняется и смотрит на происходящее.

Очень мы рады, что вы решили устроить серию лекций¹¹⁹. Лишь бы вам удалось это провести.

Ты прав исторические события не охватываются абстрактной логикой. Они были доступны чувству, но в чувство наше сознание не проникает, там мы слепы и нас ведет что — мы не знаем. И как легко спутать эти подсознательные импульсы с ожившей мыслью. Критическая мысль залог нашей свободы. Она спасает от этого моря чувств в кот[орых] так легко захлебнуться, но свобода связана с ошибкой. Выведут нас из хаоса только те, кто смогут подняться до подлинно творческих мыслей. Не «научные» проэскты помогут, а нимфа Эгерия¹²⁰. Но не будем болтуна называть солнцем и золотую корову — свободой. Свобода всегда внутри человека и всегда в будущем.

Боринька, ты опять пишешь совершенные глупости о моем стиле. Если бы я вздумала писать дифирамбы Лойд Джорджу¹²¹ или Керенскому¹²², я бы там и поставила восклицательные знаки. Это не трудно. Наивен то ты. У нас поселился котенок совершенно из своей воли пришел кривой — его собаки должно быть покусали. Теперь глаз лучше, только с бельмом. Много с ним играю. Последние деньги получила в августе. Ты их выслал кажется в июле¹²³. С грехом пополам живем. Что курс пал естественно, раз и в России деньги ничего не стоят.

---

¹¹⁹ Очевидно, имеется в виду курс лекций «Мир духа», читавшихся Белым в московском отделении Антропософского общества в декабре 1917 — феврале 1918 гг.

¹²⁰ Эгерия — в рим. миф. нимфа-прорицательница источника; супруга римского царя Нумы Помпилия, после смерти которого превратилась в источник. Очевидно, что здесь Эгерия предстает в истолковании Штейнера, например, в одной из лекций (Дорнах, 5 января 1918) он говорил: «...совместная жизнь людей на Земле тоже мыслилась в соединении с [...] микро-макро-космической связью. *Нума Помпилий (римский царь)* пришел к нимфе Эгерии, чтобы получить от нее резюме, выводы о том, как должен он установить отношения, социальные отношения в Римском государстве. Это означало ничто иное, как: он позволил сообщить ему звездную мудрость, он позволил сообщить ему то, что говорят звезды о том, как должен человек устанавливать социальные отношения» (*Штейнер Р. Мистериальные истины и импульс Рождества: Древние мифы и их значение. Шестнадцать лекций, прочитанных в Базеле 23 декабря 1917 г. и в Дорнахе от 24 декабря 1917 г. по 24 января 1918 / Пер. с нем. А. Демидова. URL: http://samlib.ru/d/demidow_a_a/11-180.shtml*).

¹²¹ Ллойд-Джордж Дэвид (1863–1945) — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

¹²² Керенский Александр Федорович (1881–1970) — министр-председатель Временного правительства с 11 июля 1917 г.

¹²³ 27 июля 1917 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «...не поеду [в Царское Село — Б.Р.]... пока не переведу Асе деньги (к середине августа)» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 124).

Я просила главным образом твои газетные статьи, их пересылать можно. О рукописи глупо было беспокоиться, они были посланы по просьбе и рекомендации Моргенштерн¹²⁴ и давно вернулись.

Милый, стихи хороши, но не несуществовавших гитар я люблю в Монреале¹²⁵. Они их портят.

Целую мой Боряшка. Не грусти.

2

Письмо В.В. Егорьева¹²⁶ Андрею Белому

Товарищ Белый

я послал Вам записку, что посылаю деньги. Т.к. она была написана на улице и к тому же деньги я не успел передать, то я извиняюсь за причиненное Вам беспокойство.

Теперь, посылая Вам 120 000 рублей, обращаюсь к Вам с более обстоятельной просьбой. В Петрограде есть некая Евгения Федоровна Книпович, которую Вы знаете и считаете артисткой. Она большой друг семейства А. А. Блока.

Я был бы Вам бесконечно благодарен, если бы Вы не отказались передать эти деньги ей или в семейство А.А., которых Вы, вероятно, видите.

Я надеюсь, что Вы извините мою смелость обратиться к Вам — совершенно незнакомому человеку, но я рискую это сделать только потому, что деньги эти очень нужны, по почте будут идти бесконечно, а с отъез-

¹²⁴ Очевидно, имеется в виду вдова немецкого поэта Кристиана Моргенштерна (1871–1914), антропософка Маргарете Моргенштерн (урожд. Гозебрух фон Лихтенштерн; 1879–1968), способствовавшая изданию немецкого перевода романа Андрея Белого «Петербург» (1919).

¹²⁵ Речь идет о стихотворении Андрея Белого «Асе» («В безгневном сне, в гнетуще-грустной неге...»), написанном в июне 1917 г. в Демьянове (впервые: Скрижаль. Сб. 1. Пг., 1918. С. 58, затем вошло в книгу «Звезда»), и о строках его последней строфы: «Сицилия... И — страстные гитары... / Палермо, Монреаль... Радес... / Люблю!...» *Монреаль* (Монреале) — городок близ Палермо, где Белый и А.А. Тургенева жили во второй половине декабря 1910 г.

¹²⁶ Егорьев Владимир Владимирович (1896–1943) — юрист, автор работ по международному праву, сотрудник НКВД; сын генерал-лейтенанта В.Н. Егорьева, ставшего советским военачальником, в гражданскую войну командовавшего фронтом. В 1939 г. арестован, умер в лагере. См. о нем: Лицейская энциклопедия. Т. 2: Императорский Александровский лицей (1844–1917) / Под ред. С.М. Некрасова. СПб., 2013. С. 217–218; *Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника. Кн. 2. Париж, 1988. С. 247–248. После отъезда из Харькова, с декабря 1920 г. до марта 1921 г. мать Е.Ф. Книпович и ее брат Сергей жили в квартире Егорьевых (Трубниковский пер., д. 30, кв. 14), имя Егорьева встречается в переписке Книповичей в разные годы. Очевидно, что в денежной помощи семье А.А. Блока (о ее результатах нам неизвестно) Егорьев участвовал по просьбе Е.Ф.К. Письмо (с ошибочной датой) частично опубликовано: *Чепик-Юренева И.* Моя любовь. Мои впечатления: 1941–2013. М., 2013. С. 203–204.

дом из Петрограда С. П. Ремизовой в Управлении Упол[номоченного] НКВД никого знакомых не остается¹²⁷.

Уважающий Вас В. Егорьев
Москва 24. 8. 21 г.

P.S. Если бы Вы не нашли возможным передать письма, то не откажите вызвать к себе Е.Ф. и, в крайнем случае, известить меня по адресу «Москва НКВД эксперту В.В. Егорьеву» через курьера.

3

Письмо А.Д. Бугаевой к Е.Ф. Книпович

Без даты [зима 1922]¹²⁸

Многоуважаемая Евгения Федоровна

Не нахожу слов как мне благодарить за Вашу доброту и те хлопоты что Вы берете на себя, ходя по несколько раз в мою квартиру за справкой. Я ничего не понимаю, что все это значит, это упорное нежелание отвечать мне на мой запрос о моем доме, со стороны моих жильцов. Я решила на этот раз обратиться к жене управляющего нашего дома А.И. Граховской¹²⁹. Будьте так добры дорогая Евгения Федоровна передать ей это письмо адресованное на ее имя. Это в нашем же доме по Никольскому пер. 21¹³⁰. Номер ее квартиры я забыла. Надо войти в дверь и там их

¹²⁷ Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (1876–1943) — палеограф; жена А.М. Ремизова; до отъезда 5 августа 1921 г. за границу служила в библиотеке Наркоминдела. «Если мамочка уедет, мы с Верой поселимся у Алексея Ремизова. Он и его жена мои большие друзья», — писала Е.Ф. Книпович брату, К.Ф. Книпович, 29 января 1920 г. Сохранились 8 писем С.П. Ремизовой-Довгелло к Е.Ф. Книпович за 1922–1926 гг. (Гос. мемориальный музей-заповедник Д.И. Менделеева и А.А. Блока).

¹²⁸ Бугаева Александра Дмитриевна (урожд. Егорова; 1858–1922) — мать Андрея Белого. Упоминание о знакомстве с ней Е.Ф.К. см.: *Книпович Е.* Об Александре Блюке. С. 28. См. также: «Люблю тебя нежно...»: Письма Андрея Белого к матери (1899–1922) / Сост. предисл., подгот. текстов и коммент. С.Д. Воронина. М., 2013. Е.Ф. Книпович переехала в Москву в январе 1922 г., уже, очевидно, имея просьбы и поручения А.Д. Бугаевой, жившей с 9 декабря 1921, видимо, до поздней весны 1922 г. в Петрограде в квартире Б.Г. Каплуна и беспокоившейся за оставленную в Москве квартиру, о чем идет речь в письме, которое можно датировать февралем — началом марта 1922 г.; см. также запись К.И. Чуковского от 19 декабря 1921 г.: «Белицкий приютил мамашу Андрея Белого...» (*Чуковский К.* Дневник: 1901–1921. М., 2011. С. 370).

¹²⁹ Сведений об А.Н. Гроховской разыскать не удалось.

¹³⁰ Никольский (ныне Плотников) пер., д. 21, кв. 7; в эту квартиру в дом Новикова в августе-сентябре 1906 г. А.Д. Бугаева переехала с сыном, где жила до кончины 20 октября 1922 г. «С ее смертью кончилась жизнь в Никольском переулке на Арбате.

подъезд с левой стороны на самом верху. Я прошу её ответ дать с Вами и Клара Гитманов[на]¹³¹ привезет его мне сюда. Ее лучше заставить от семи до девяти вечера. И еще к Вам просьба: занести письмо на Кудринскую Садовую д. 6¹³². И если можно чтоб дали также ответ с Вами, или же принесли Вам на Вашу квартиру.

Это письмо важно по делу, и я буду Вам безгранично признательна.
Всего Вам доброго

А. Бугаева

4

Письмо Андрея Белого к Е.Ф. Книпович

[4 или 5 (?) февраля 1924]¹³³

Дорогая Евгения Федоровна,

Я слышал, что в пятницу¹³⁴ Вы едете в Петербург. У меня к Вам огромная просьба. Передайте оба прилагаемых письма Р.В. Иванову (одно ему лично: мне очень важно, чтоб он его получил¹³⁵); второе — для дня чествования Сологуба от имени «Вольфи́лы»¹³⁶ (написанное по просьбе Разумника: для 11 февраля¹³⁷). Буду Вам крайне благодарен, если Вы оба письма доставите в «Вольфилу». Если бы Вы не поехали

Их старая квартира была занята новыми жильцами» (*Зайцев П.* Воспоминания. С. 46).

¹³¹ Каплун Клара Гитмановна (1892–1953) — сестра Б.Г. Каплуна, издателя С.Г. Каплуна, скульптора С.Г. Спасской (жены поэта С.Д. Спасского), близких Андрею Белому; была начальницей Белого по службе в Фундаментальной библиотеке Наркомата иностранных дел с 3 апреля до начала июня 1921 г.; позднее стала второй женой С.Д. Спасского.

¹³² В доме 6 кв. 2 на Садовой-Кудринской помещалось московское отделение Русского Антропософского общества (см.: *Жемчужникова М.Н.* Воспоминания о московском Антропософском обществе (1917–23 гг.) / Публ. Дж. Мальмстада // *Минувшее: Исторический альманах.* 6. М., 1992. С. 16), куда Андрей Белый переехал вместе с А.С. Петровским из квартиры матери 14–15 февраля 1918 г. и прожил с перерывами до 26 августа 1919 г. Возможно, упоминаемое письмо А.Д. Бугаевой было обращено к А.С. Петровскому.

¹³³ Письмо на тетрадном листе в клетку, без даты (датируется по содержанию), послано не по почте, на конверте рукой Белого: «Евгении Федоровне Книпович (от А. Белого)».

¹³⁴ 8 февраля 1924 г.

¹³⁵ Письмо от 6 февраля 1924 г.; см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. *Переписка.* С. 283–289.

¹³⁶ «Черновой набросок приветственного слова от имени “Вольфи́лы”» см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. *Переписка.* С. 279–280.

¹³⁷ Юбилейное чествование Федора Сологуба по случаю сорокалетия его литературной деятельности состоялось 11 февраля 1924 г. в Государственном Академическом Драматическом театре в Ленинграде.

в Петербург, то, может быть, письма Вы занесли бы к Нилендеру¹³⁸ (тогда я бы одно из писем сам бы свез 13 в Петербург, если туда поеду: еще не знаю, поеду ли¹³⁹). Простите за беспокойство. Счастливого путешествия. Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев

Литература

Александр Блок в дневнике Е.П. Иванова (1903–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. О.Л. Фетисенко // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 311–436.

Андрей Белый. Александр Блок. Москва / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина, А.Э. Рудник, М.Б. Шапошников. М.: Московские учебники и картолитогрфия, 2005. 376 с.

Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.

Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А.В. Лавров // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сб. / Сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. М.: Советский писатель, 1986. С. 773–805.

Белоус В. Вольфила: В 2 кн. Кн. 2: Хроника. Портреты. М.: Модест Колеров и «Три Квадрата», 2005. 800 с.

Белый А. Дневниковые записи / Предисл. и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. М.: Наука, 1982. С. 788–830.

Жемчужникова М.Н. Воспоминания о московском Антропософском обществе (1917–23 гг.) / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. 6. СПб.: Феникс, 1992. С. 7–53.

Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак; вступ. ст. и примеч. Дж. Малмстада, М.Л. Спивак. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 752 с.

Ильюнина Л.И. Московская ассоциация по изучению творчества А. Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. С. 213–220.

Книпович Е. Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М.: Сов. писатель, 1987. 178 с.

Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники

¹³⁸ У В.О. Нилендера (Ваганьковский пер., д. 6, кв. 12) Белый останавливался, приехав из Берлина в Москву, бывал у него время от времени и оставался ночевать.

¹³⁹ Речь идет о предполагавшихся лекциях Белого в Ленинграде 14 и 16 февраля 1924 г.; см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 293. Белый выехал в Ленинград раньше — 10 февраля и пробыл там до 19-го, 11 февраля выступив на чествовании Сологуба и прочитав две лекции: 14 — «Одна из обителей теней» и 18 — «Поэзия Блока».

1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак; отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / Публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова // *Минувшее: Исторический альманах*. 15. СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 7–162.

«Люблю тебя нежно...»: Письма Андрея Белого к матери: 1899–1922 / Сост., предисл., вступ. ст., подгот. текста и коммент. С.Д. Воронина. М.: Река Времени, 2013. 272 с.

Магомедова Д. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М.: Мартин, 1997. 221 с.

Театральные воспоминания о Блоке В.П. Веригиной и Н.Н. Волоховой / Публ. Д.Е. Максимова и З.Г. Минц, коммент. З.Г. Минц // *Ученые записки Тартуского гос. университета*. Вып. 104: Труды по русской и славянской филологии. IV. Тарту, 1961. С. 304–378.

Тименчик П. Сергей Спасский и Ахматова // *Toronto Slavic Quarterly*. 2014. № 50. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/50/tsq50_timenchik.pdf (дата обращения: 02.04.2019)

References

Aleksandr Blok v dnevnikе E.P. Ivanova (1903–1941) [Alexander Blok in E.P. Ivanov's diary (1903–1941)], ed., intro. and comment. by O.L. Fetisenko. *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy* [Alexander Blok: Studies and materials]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2011, pp. 311–436. (In Russ.)

Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence], publ., intro., comment. by A.V. Lavrov and J. Malmstad, ed. by T.V. Pavlova, A.V. Lavrov, J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998. 736 p. (In Russ.)

Andrei Belyi. Aleksandr Blok. Moskva [Andrei Bely. Alexander Blok. Moscow], comp. by M.L. Spivak, E.V. Nasedkina, A.E. Rudnik, M.B. Shaposhnikov. Moscow, Moskovskie uchebniki i kartolitografiia Publ., 2005. 376 p. (In Russ.)

Andrei Belyi. Khronologicheskaiia kanva zhizni i tvorchestva [Andrei Bely. Chronology of life and work], comp. by A.V. Lavrov. *Andrei Belyi: Problemy tvorchestva: Stat'i, vospomaniia, publikatsii. Sb.* [Andrei Bely: Problems of creative work: Articles, memoirs, publications. A collection], comp. by S.S. Lesnevsky, A.A. Mikhaylov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, pp. 773–805. (In Russ.)

Belous V. *Vol'fila: V 2 kn. Kn. 2: Khronika. Portrety* [Vol'fila: In 2 books. Book 2: Chronicle. Portraits]. Moscow, Modest Kolerov i "Tri Kvadrata" Publ., 2005. 800 p. (In Russ.)

Belyi A. Dnevnikovye zapisi [Diary notes], intro. and publ. by S.S. Grechishkin and A.V. Lavrova. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok: Nove materialy i issledovaniia. Kn. 3* [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok: New materials and studies. Book 3]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 788–830. (In Russ.)

Il'iunina L.I. Moskovskaia assotsiatsiia po izucheniiu tvorchestva A. Bloka [Moscow association for the study of A. Blok's works]. *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy*

[Alexander Blok: Studies and materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 213–220. (In Russ.)

“*Liubliu tebia nezžno...*”: *Pis'ma Andreia Belogo k materi: 1899–1922* [“I love you dearly...”: Andrei Bely’s letters to his mother: 1899–1922], comp., intro., ed. and comment. by S.D. Voronin. Moscow, Reka Vremen Publ., 2013. 272 p. (In Russ.)

Knipovich E. *Ob Aleksandre Bloke: Vospominaniia. Dnevnik. Kommentarii* [About Alexander Blok: Memoirs. Diaries. Comments]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 178 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevnik 1930-kh godov [Literary heritage. Vol. 105: Andrei Bely. Autobiographical codes: Biography material. An aspect for the diary. Registration records. 1930s diaries], comp. by A.V. Lavrov, J. Malmstad, ed. by M.L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2016. 1120 p. (In Russ.)

Loks K. *Povest' ob odnom desiatiletii (1907–1917)* [A tale of a decade (1907–1917)], publ. by E.V. Pasternak and K.M. Polivanov. *Minvshee: Istoricheskii al'manakh. 15* [The past: Historical almanac. 15]. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1994, pp. 7–162. (In Russ.)

Magomedova D. *Avtobiograficheskii mif v tvorchestve Aleksandra Bloka* [Autobiographical myth in Alexander Blok’s works]. Moscow, Martin, 1997. 221 p. (In Russ.)

Teatral'nye vospominaniia o Bloke V.P. Veriginoi i N.N. Volokhovoi [Theatrical memoirs of Blok by V.P. Verigina and N.N. Volokhova], publ. by D.E. Maksimov and Z.G. Mints, comment. by Z.G. Mints. *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. universiteta. Vyp. 104: Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. IV* [Proc. Tartu State Univ. Iss. 104: Studies on Russian and Slavic philology. IV]. Tartu, 1961, pp. 304–378. (In Russ.)

Timenchik R. *Sergei Spasskii i Akhmatova* [Sergei Spassky and Akhmatova]. *Toronto Slavic Quarterly, 2014, no. 50*. Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/50/tsq50_timenchik.pdf (accessed: 02.04.2019) (In Russ.)

Zaitsev P.N. *Vospominaniia* [Memoirs], comp. by M.L. Spivak, intro. and notes by J. Malmstad, M.L. Spivak. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 752 p. (In Russ.)

Zhemchuzhnikova M.N. *Vospominaniia o moskovskom Antroposofskom obshchestve (1917–23 gg.)* [Memories of the Moscow Anthroposophical Society (1917–23)], publ. by J. Malmstad. *Minvshee: Istoricheskii al'manakh. 6* [The past: Historical almanac. 6]. St. Petersburg, Feniks Publ., 1992, pp. 7–53. (In Russ.)

Andrei Bely and E.F. Knipovich

© 2019, Boris Romanov

Abstract: Based on both well-known sources and unpublished materials, the article follows the relations between Andrei Bely and Ye.F. Knipovich and the evolution of her views on Symbolism. Letters of A.A. Turgeneva and V.V. Yegoryev to A. Bely and letters of A. Bely and A.D. Bugaeva to E.F. Knipovich, preserved in her archives, are being published for the first time.

Keywords: Andrei Bely, E.F. Knipovich, M.A. Beketova, A.A. Blok, O.D. Forsh, L.B. Kamenev, Symbolism, Association for the study of A. Blok's works

Information about the author: Boris Romanov, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: bnroma@yandex.ru

Citation: Romanov Boris. Andrei Bely and E.F. Knipovich. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 259–284. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-259-284